

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

ТОБУК

ПОЭМА

Не кричите, подземные птицы,
Не будите беду.
Я три раза пытался родиться,
А теперь на роду
Трижды гибель начертана мне ли? —
Огонь, влага и тьма.
Горб гордыни, и горечь похмелий,
И сума, и тюрьма...

1. Хакасия

I

Гул подземный со звоном и громом,
Гул из самой дали,
Так гармонь задыхается хромом,
Так, разбивши рули,
За хребтами пространство буравит
Одинокий пилот,

БЕРЯЗЕВ Владимир Алексеевич родился в Кузбассе в 1959 году. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг "Окоём", "Могила Великого Скифа" и других, а также сборников стихов, книг очерков и эссе. В настоящее время — зам. гл. редактора журнала "Сибирские огни". Секретарь правления Союза писателей России и сопредседатель Ассоциации писателей Сибири. Живёт в Новосибирске.

Так безумие истиной правит,
А не наоборот.

Гул родился на грани сознания,
На черте забытья,
Как тревожный итог заклинанья,
Как пророк Илия,
Что, зарницами весь опоясан,
В зеве туч говорит,
Иль прибой, что могуч и прекрасен,
Возле острова Крит.

Гул подобием сердцебиенья
Изнутри нарастал.
Вал, поток, столкновенье, роенье...
Словно некий кристалл
Фокусировал неумолимый
Рокот бездны во мне,
Страшный, дерзкий, издревле хулимый,
Прорывался вовне!

Треск чешуек и лязг сочленений,
Топот сотен копыт,
Трубный рев, какофония пеней,
Тектонических плит
Дрожь, подвижка, горящая влага,
Скрипы замкнутых врат...
Так Титаны средь муки и мрака
В тесном Тартаре спят.

Так, вздымаясь и вновь затихая,
Перепончатокрыл
Нам грозит из пещерного рая,
Из гробов и могил:
Страж веков, пожирающий деву,
Змей, влекущий на дно,
Навсегда обращенный ко Древу,
Чье познание — темно...

II

Мы стояли в хакасской долине
У подножья Саян,
Азиатской земли посредине,
Где степной океан,
В лунобоких холмах заплутавши —
Только травы да снег, —
В тишине, в удивлении даже
Завершал свой разбег.

Здесь раскосые лики на камне
Окликали судьбу,
Хищный месяц вослед за волками
Выходил на тропу.
Бог небесный в сиянии русом
Здесь жену познавал —
Между Черным и Белым Июсом¹
В брачный дол кочевал.

¹ Реки в Хакасии, дающие начало Чулыму.

Здесь родились великие предки,
Кузнецы и жрецы.
Здесь герой, огнекудрый и меткий,
В соболя и песцы
Обрядившись и лыжи изладив,
С верным луком в руках,
Шел любви и бессмертия ради
В мир по имени Страх...

Здесь я ночью на круглой поляне
Пробудился, дрожа
На какой-то невидимой грани...
Как ударом ножа,
Гул подземный реальность разрушил.
Из оков пустоты
Я ушёл. Не затем ли на сушу
Выгребают киты?..

Спальный кокон я скинул в испуге.
Этим гулом гоним,
Вышел в ночь. И на звездной округе,
Где один за одним
Мчатся спутники, бездны блистают
И кружит Гороскоп,
Я увидел, как, чуждо хрустален,
Мреет времени гроб.

Гул затих. На арене безмолвья
Полыхала луна.
А из облака, словно из моря
Вновь и вновь рождена,
Возникла зарею девица —
Златобедра, близка...
Пали росы. И вскрикнула птица.
И вздохнула строка.

III

Белым днем возле древнего Камня
Мудреца я спросил:
— Что за странная сила такая
От округлых могил
Истекает? Откуда стозевный
Хор о чем-то былом
Пел во мраке? И что бы подземный
Значил топот и гром?

— Мало ли... Два тяжелых состава
На далеком мосту
Вдруг сошлись, и ж/д переправа
Сотрясла пустоту.
Страдный грохот по старому руслу
Докатился до вас.
Гео, я бы сказал, перегрузка,
Звуковой резонанс.

Не смущайтесь по поводу хора —
Это ветры веков.
Для заблудших — покров омофора,
Словно голос Отцов.

След беды и благого порыва
Не замоют года.
Знайте, сударь, что прошлое живо
И звучит иногда.

Что касасемо старых курганов,
Изваяний и стел,
Долгих каев¹, хомусов-варганов, —
Это вечный удел
Род и кровь позабывшего сына.
А вернулся назад —
Вот и правда, и вера, и сила,
И с доспехами клад.

Впрочем, зря вы, наверное, стали
У Алып²-скалы.
Здесь недавно шаманы камлали,
И пылали костры,
Заклинали больших ревизоров
Из далекой Москвы,
И заклали овцу... Темный нор
Духов — чуете вы?

IV

Я лишь зыбкое марево чую
Вместо почвы и скал.
Я забыл оболочку земную
У деревни Фыркал.
Крики галок на рыжем закате,
Солнце, бьющее в створ.
И рабыни ценой по ногате
Окружают шатер.

И прибытье с послом каравана
Из шаньдуньской³ глуби
Возле ставки Великого Хана
В Отюкэнской степи
Ожидается. Вот он открылся
У предгорья. И вдруг
Тарбагань⁴ усатые рыльца
Повернулись на юг.

Караван! Караван! Медных ботал
Перезвяк издали,
Крики стражей, лихая забота —
С края в край по земли
Провести эти вьючные фуры
С пряностями, руном.
А погонщики — сухи и хмуры —
Всё поют об одном:

О любви, о судьбе, о дороге,
О победе в боях
И о том, как суровые Боги

¹ Эпическое сказание, исполняемое певцом-кайчи.

² Богатырь (тюрк.).

³ Северный Китай.

⁴ Тарбаган — сурок (тюрк.).

В поднебесных краях
Наблюдают за странным и тщетным
Копошеньем людским.
Только чудится в оклике медном
Смысл — свят и сладим.

“Миру мир, — возвестят нам посланцы, —
А товару — пути!”
— Приходите на той, чужестранцы,
Ты, Ли Бо, приходи.
Пусть же печень баранья для друга
Зашипит на углях.
Путь слова мудреца Тоньюкука
Хана славят в веках!

Вот он вышел к костру головному
На двенадцатый круг.
Гимны дому вознес кочевому
Сизый лунь, Тоньюкук.
Брызжет Небо алмазною солью,
Песнь восходит из мреж —
На простор, где нам тюркскую волю
Отворил Ильтереш¹.

ВОЗГЛАШЕНИЕ ТОНЬЮКУКА

От Кёгмёнских² хребтов, от урочищ,
Где железо куют,
Где Алтай только благо пророчит
Стану тысячи юрт,
Мы прошли без путей, без оглядки
Во враждебный предел
И с похода упали на пятки
Роду “десяти стрел”.

Гнали их за Жемчужную реку,
До Железных ворот,
И с тех пор — наш от века до веку,
В край, и из роду в род
Этот мир, это вечное Поле,
Это пастбище душ.
Не рабом, а собратом по воле
Стал огуз и тюркюш.

Хан привел к нам согдийцев, арабов
И тохаров привел.
Кто свободны, кто духом не слабы,
Кто не прячет в подол
Взор лукавый, кто запах полыни
Ценит — яшмой в горсти,
Кто не ведает лжи и уныний,
С теми нам по пути!

Кто богами обласкан — тем паче!
Им, у ханских телег,
Честь и слава! И только табгачей³

¹ Великий каган, создатель Второго тюркского каганата в VII–VIII в н. э.

² Саянских.

³ Так кочевники называли китайцев, цивилизаторов.

Опасайтесь вовек.
Предки наши за сладкие речи,
Спирт, и золото, и шелк
Продались и подставили плечи
Под ярмо, кнут чужой.

Опасайтесь! В дарах или в лестях,
В сытой роскоши вы
Поглупеете... Так же, как в тесте
Тает ломтик халвы,
Растворитесь в народе огромном,
О былом позабыв,
Только в свисте ветров похоронном
Голос ваш будет жив.

Жить с табгачами, верить табгачам —
Гибель или позор!
Воли Неба не переиначим.
Обратите же взор
На родные Чугайские степи,
На Алтунскую высь,
Где крепились союзные цепи,
Где мы вновь поднялись!

Пусть же ветры от Желтого моря
Не баюкают нас.
Пусть торговля добавит не горя,
А добра и богатств.
Это слово я высек на камне,
Это слово стоит
В центре тюркской земли. И не канет!
Это слово — гранит!

V

Айналайн! Журавлиные трубы!
Лебединый полет!
Негой чистою тронуты губы.
Это дева поет.
Голос тот и ласкает, и ранит,
Словно шелк и булат.
Слышу я из-за призрачной грани:
— То поет Янаат!..

В честь послов, в честь даров каравана,
В честь цветов у ручья —
Янаат, сквозь завесу тумана,
Азиатка моя.
Голос плавает, тает, струится
От луны до скалы,
Машет крыльями белая птица,
Вьются хлопья золы.

Ближе, ближе! Хочу убедиться:
Это ты иль не ты?
Машет крыльями белая птица.
Льется свет высоты.
В горле тает последняя нота,
Все ресницы в слезах.
Узнаешь меня! Дивное что-то
Ожило в волосах.

То заколка. Со сценой боренья,
Страсти, схватки, гоньбы.
Словно самый момент Сотворенья
В ней восстал на дыбы.
И с любовной тоской аримаспа¹
Я ступаю за грань,
Где в объятиях ярого барса
Вихрем вертится лань.

Желто-красного камня прожилки,
Вкус вина на губах,
И костра золотые развилки,
Как пылающий пах
Кобылицы, как летнего склона —
Трав и зноя дурман,
Как сиянье небесного лона
Сквозь предсмертный туман.

Поцелуя медовые струи,
Сон прозрачен, тягуч...
Грузнут косы серебряной сбруей,
А из них, как из туч,
Вниз скользнула, летит — долго-долго,
В бездну, и — где-то там
Сердолика витая заколка
Бьется напополам!..

2. Казахстан

I

Было, не было? Только виденье,
Только призрак любви.
Боже правый, прими во владенье
Родовые мои
Знаки, песни, летучие силы!
Я опять на тропе,
Где великое поле России
Думает о Тебе.

Сколько лет я блуждаю по свету,
Сколько жизней ушло,
Но манящую женщину эту,
Словно через стекло,
Что подернуто пеплом и влагой,
Прозреваю опять...
Перед рисовой мерзну бумагой
И — робею писать...

...Вольно ехать по долгой дороге
В город Семипалат.
Вспоминать то Абаевы строки,
То таблицу утрат...
Наблюдать, как, покатою дыней
Ускользая обочь,
Зной сливается с желтой пустыней
И уносится в ночь.

¹ Аримаспы — скифское племя у предгорий Алтая.

Мимолетные станы и вёрсты,
Солончак, карагач,
Камня, глины сухие коросты,
Тонкий, блеющий плач
Рыжих коршунов, дым от пожара
За далекой грядой,
И слепящая встречная фара,
И рассвет молодой!

Солнцем выжжена, ветром раздета,
Болью взята в полон,
Мать народа и воля поэта,
Вся земля — Полигон.
Здесь сбежавшим из райского сада
В мир скитаний и тайн
Лик свой, белой звездой термояда,
Обнаружил Шайтан.

Мы увидели то, что хотели...
Но — Аллах милосерд!
Зарубцуются раны на теле,
Вновь сияющий серп
Полумесяца дивно повиснет
Над колодцем сухим,
И акын на пиру и на тризне
Будет непобедим.

II

Едем, едем! Вперёд и до края,
На закорках беды.
Кельденбай пусть, на домбре играя,
Как расплав из руды,
Извлекает заветную песню,
Золотой аманат!
И невинно погибший — воскреснет.
И очнется собрат.

Там за далью — Чингисские горы,
Там убежище лет,
Там горят в небесах семафоры,
Их магический свет
Направляет кочевье пернатых
По воздушным путям,
Там кыпчаков родные пенаты,
Тайна их — где-то там...

Вновь машина, над трассой взлетая,
Рвет ветров постромки,
Вновь душа, от заботы пустая,
Городские торги
Позабыв, устремилась на волю,
Где, простертая ниц,
Степь глядится в глаза Кара-Кёлю²,
В мир влюбленных и птиц.

¹ Завет, заповедь (тюрк.)

² Чистое глубокое озеро (тюрк.)

Тьма совой упадет на дорогу
И — не станет земли...
Степь небесная к самому Богу
Серебра ковыли
Выстилает — мерцающий, зыбкий,
Лучезарный ковер.
И плывет, словно в ласковой зыбке,
Дух — на звездный простор!

Там, на небе — джайляу Абая,
Юрта, светлый аил,
И трава, и вода голубая,
И пастух Джебраил
Напевает рассветные строки
Недосказанных сур.
И младенец сидит на пороге,
Чуть улыбчив и мудр.

III

Караул. Это имя и место.
Рай не шибкий, но — центр.
Возле зданья овечьего треста
Был поэзоконцерт.
Слева Ленин. А справа чайна́.
Посредине помост.
Речи, пенье, стихия степная
И — стихи в полный рост!

Целой дюжиной юных талантов,
С одобрения мулл,
Словно милостью в ханских палатах,
Одарил Караул.
Голоса оглашали просторы,
Как звенящий булат.
И старух возвышались уборы,
И сияла Жаннат.

В серебре ожерелья тяжелом —
Яшма и бирюза, —
В платье, вышитом скифским узором,
С песней, под небеса
Устремлённою, торжествовала
Среди сцены она.
И, как прежде, мне душу сковала
Боль, любовь и вина.

Да, мы снова узнали друг друга
Среди белого дня.
Словно искры точильного круга,
Брызнув, иглы огня
Кровь пронзили... По лезвию века
Время вспять потекло.
Струны ожили, дрогнула дека
Лютой смерти назло.

О, седая тоска узнаванья,
Взоры издалека!
Возвращенье сквозь мрак расставанья,
Через горы песка,

Сквозь могильные плиты, сквозь Леты
И забвенье, и глушь...
Открываются тайные меты:
Я — владыка и муж.

IV

Вечер тихо окрасил приволье
В цвет охристой руды.
Праздник, перетекая в застолье,
Золотые плоды
Семиречья в широкой посуде
Пред гостями воздвиг.
Аксакал добирался до сути.
И ветвился язык.

А кумыс по пиалам клубился,
Как в конце Уразы.
Стол ломился, кренился, дымился!
Бешбармак и казы¹
Пребывали в томленьи и неге.
И — на добрый совет
Я кивал евразийцу-коллеге
Дружной рюмкой в ответ.

Но не видел, искал и не видел
Стан и очи Жаннат.
Степи, степи, зачем вы таите
Нежный княжеский сад
За стенами? — с дыханьем эфира,
С лаской трепетных пут...
Но на круг азиатского пира
Женщину не зовут.

Неужели опять все случайно,
Мимолётно и не-
Поправимо?.. К чему величанья?
Разговор о цене:
Что важнее — душа или сутра,
Если столько утрат?
Если жизнь, как похмельное утро?
Если нету Жаннат?

...У автобуса, в полночь сухую
Я немею спиной.
— Я творил тебя, жаждал такую,
Я тобою одной
Любовался...

Она улыбалась,
Лишь морщинки у скул.
— Я два раза с тобой расставалась.
(Караул! Караул!)

До свиданья. Прощай. Всё вернется
В нам неведомый срок.
— Долго ждать у сухого колодца
Тех чудес, видит Бог...
.....

¹ Блюдо из конины.

Из волос золотую заколку
Она вынула вдруг,
Разломила и — глянула долго:
— Это... это тобук.

V

Я спросил у казахских поэтов:
— Что такое “тобук”?
Междометья вместо ответов —
Удивленье, испуг.
Но, прервав череду восклицаний,
Произнёс Улугбек:
— Это выше любовных признаний,
Это клятва навек.

Даровавший святую частицу
Оставляет в залог
Веры, верности дивную птицу...
Есть гнездовье, исток,
Что хранит и лелеет пернатых
В перелете на юг.
Все мы грезим об отчих пенатах,
Наша память — тобук.

Труд и жертва — превыше печали.
Вещим даром живи.
Наши предки не то испытали,
Не утратив любви.
За народ, за просторы и дали
Кюль-Тегин¹, Тоньюкук
Кровь и души свои отдавали!
Это тоже — тобук.

Знай, тоска золотых половинок —
Не пустые слова.
До рожденья и после поминок
Две души, тела два
Самой крепкою скованы цепью —
Для любви, а не мук.
От слияния неба со степью
Происходит тобук.

3. Алтай

I

Кто не ездил по Чуйскому тракту,
Тот обижен судьбой.
Как сестре или, может быть, брату,
Божьей твари любой
Я готов рассказать о дороге
По горам и долам,
Где века повторяют пороги
Строки эпиталам.

...В этот раз мы маршрут прочертили
Вплоть до плато Укок.

¹ Каган, распространивший власть своей державы на всю Великую Степь.

Ни себя, ни машин не щадили,
Всё на юго-восток
Забирая, ползли по ухабам,
Руслам и валунам —
Где царят только “если б да кабы”,
Неподвластные нам.

Позади — золотые долины,
И Сема, и Урсул,
Позади кедрачи-исполины,
Победительный гул
Уч-Сумером¹ рожденной Катунь.
Но назад не гляди!
Вон — курганы родов Шакья-Муни.
Весь Алтай позади.

Сколь картин промелькнуло за двое-
Трое суток пути.
Как играло твое ретивое,
Как просторно в груди
Отзывалась полетная воля!
А громады хребтов
Зацветали огнем алкоголя
Средь небесных холстов.

И все выше, как в песне, все выше
Возносила тропа,
Будто мы на сияющей крыше
Мирового Столпа
Мановеньем судьбы оказались...
Стерегищие суть,
С неба беркуты грозно спускались —
Нам в глаза заглянуть.

А ночами во тьме рокотали
Карагем и Аргут,
И сквозь сон надо мною витали
Вечно ждущие тут
Три гиганта, три духа, три стража,
Вопрошая с высот:
— Чья нужда и какая пропажа
Гонит вас и ведет?

II

Нас ведут эти горы и степи,
Птичий гам и трава,
След кометы на мреющем небе
И природа родства
К опоясанному силой и светом
Временам и мирам.
Мы свои, мы пришли за ответом
К диво-дивным горам.

Нас ведет колыбельная нота!..
Те дымы очагов
С десятивекового полета
Я озреть не готов.

¹ Белуха, Три вершины, гора Мира, троица Азии.

Впечатленная в камень личина,
Солнца выгнутый мед,
Голубое куренье арчина¹
Нас манит и зовет.

Нас ведет до-Потопное знание! —
И архаику слов,
И неведомых рун волхованье,
Словно рев сарлыков²,
Дарит нам азиатская Муза.
Проникают под кров
Плач курая³ и космос хомуса,
И камланье ветров.

Нас ведут ясноликие предки.
Их поля и стада
Не скудеют. Так живы на ветке
В райском саде всегда
И плоды, и цветы, и зачатки
Урожаев иных.
Честь потомков — не выпасть в остатки
Поколений больных.

Мы пришли не для славы и злата!
Бог в любви не избыл
Ледников светозарные латы,
Рек живительный пыл.
Сила та весела и несметна,
Как сияние сот...
Вновь великая жажда бессмертья
Нас по свету ведет.

III

Что нас гонит?..
Из града и мира,
Из углов и трещоб,
Из забитого ложью эфира,
Из забот и хвороб
Мы стремимся, бежим, изнывая
От оков и сует.
Беловодья ли память живая
Нам, как влага и свет?!

Может быть, для того, чтоб мужала
В нас душа для молитв,
Желчь сомненья, неверия жало
Нам всечасно сулит
Серый демон рассудка сухого?
Для того наш исход,
Чтоб над мраком владычило Слово,
А не наоборот...

Тишина... Даже ветра не слышно
Среди скальных оград.
Нет деревьев, что гордо и пышно
Над ручьями шумят.

¹ Арчин — можжевельник, используется в богослужениях наподобие ладана.

² Сарлык (як) (тюрк.) — азиатский бык с длинной шерстью на животе и ногах.

³ Флейта кочевников.

Белой тучки на небе заплата,
Горной тундры простор.
Цель близка. Мы поднялись на плато
До Элизия гор.

Блеск озер. Невозвратные дали.
Трав слепящий акрил.
А среди них роковые спирали
Златоскифских могил.
Этих скорбных колец вереницу
Наш вожак миновал
И на вросшую в землю гробницу,
Помолчав, указал:

— Археолог, быть может, не лучший
Человека удел —
Любопытство, тщеславие, случай...
Не тому б я хотел
Поклоняться... Нет, есть испытанье
Выше — Знатье-знатьё!
Здесь покоится древняя тайна,
Мы откроем ее!

IV

Две недели мы землю долбили
До мерзлотных пород.
Разобрали курган, раскатали
Каменистый оплот
Вековой тишины и покоя.
Труд стал точен и скуп.
Но под щебнем и рыжей трухою
Обнаружился сруб.

Выходили сурово и ровно
Из подземных оков
Лиственниц черно-красные бревна,
Двадцать с лишним веков
Замыкавшие крепостью склепа
Чьё-то небытие.
Смерть извечно слепа и нелепа,
Мы презрели ее.

Как из тины забывчивой Леты,
Выступали со дна
Лошадей голенастых скелеты...
Но златого Руна
Бледный отблеск хранили подпруги
И узоры попон.
Вы извели скифской науки,
Одиссей и Ясон!

Пусть воротится всё, что любимо!
В погребальни ядро
Проникал я с тоской пилигрима.
Мерзлоты серебро
Запирало все скрепы, все входы
На жестокий замок.
Но под солнцем протаяли своды.
Но — окончился срок.

И когда мы разъяли упорно
Три наката бревен,
В домовине от времени черной —
Звук ли?.. Вздох или стон?!
В той колоде могильного веса,
Навсегда молода,
Невесомо лежала принцесса
В линзе синего льда.

V

Я пришел к тебе! Я оказался,
Словно князь Елисей,
Средь пустынного звездного зала —
У постели твоей,
У хрустального гроба, у края
Жизни, скорби и мглы,
Где отчаянье, в сердце играя,
Будит слово хулы.

Но смиренно цвело твое тело,
Излучая сквозь лед
Мир и свет родового предела.
Словно в дальний полет,
Ты отбыла... Мерцали браслеты.
Шее дивной под стать,
Ожерелье из давнего лета
Продолжало сиять.

Вязью хищною выткана ловко —
Сила зверья и страсть, —
Синей выделки татуировка
Вдоль по стану вилась:
Многоярусны, многоветвисты,
То ль олени рога,
То ль грифоны крылато-когтисты
Настигали врага.

Я пришел. Я мечтаю о встрече,
Словно кровь — о мече.
Ты близка. Но — за далью далече.
У тебя на плече
Вновь, взимая могучего царства
Сладострастную дань,
В гибких лапах летящего барса
Вихрем вертится лань.

Ты лежишь, не избывши ночлега,
Улыбаясь сквозь сон.
Я опять этой девственной негой
До конца покорен.
Каплю жгучей живительной смолки,
Словно — “верь и прости”,
Половинку заветной заколки
Ты сжимаешь в горсти.

ЭПИЛОГ

Шорох гравия... Рухнула груда
Бревен и валунов.
Изнутри, непонятно откуда,
Из начал, от основ
Он вернулся — небесным изломом,
Потрясеньем земли —
Гул глагольный со звоном и громом,
Гул из самой дали...

Я прощаюсь. Стихает поэма,
Как рассветная дрожь.
Да, читатель, то старая тема,
Пролистай и умножь
Эти строки
на труд,
кровь и слезы...

.....
Эту землю, мой друг,
Я любил...
Всё, всё прочее — проза.
Сохрани же тобук.